

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. И.Н. Коржова
г. Москва, Россия

**МЕТАРЕФЛЕКСИЯ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ГЛАВАХ
ПОВЕСТИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «КНИГА СКИТАНИЙ.
(НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ)»**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: “Повесть о жизни”»
(URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01479/>)

Аннотация: В работе исследуются неопубликованные фрагменты повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)». Это первая глава «Приближение зари» и завершающая половина последней «Собеседник сердца». Материалом исследования стала авторизованная машинопись повести, хранящаяся в РГАЛИ, и документы Музея К.Г. Паустовского в г. Москве. Автор статьи опирается на свидетельства, что изъятие глав было связано с цензурой и не соответствовало первоначальным намерениям писателя. В статье дано описание источников текста, отражающих разные этапы работы над повестью, приведена текстологическая характеристика анализируемых фрагментов. Выбранные для анализа главы относятся к обрамляющим частям произведения и отличаются высокой метарефлексивностью. Главы посвящены общей оценке изображенного времени и творческим задачам писателя. 1923–1936 гг., в которые развивается действие повести, оцениваются как время, тяготившее души людей. Творческое общение с предшественниками и современниками становится способом преодолеть тяжесть времени. Это прагматическое объяснение причин создания книги соседствует с размышлениями о литературе как о высшей форме красоты мира. Таким образом, время, тяжесть, слово становятся ключевыми понятиями обрамляющих глав. В приложении к статье приведен фрагмент главы «Приближение зари».

Ключевые слова: Паустовский, текстология, творческая история, рамка произведения, метарефлексия, художественная автобиография, романтизм, модернизм.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

E-mail: clean24@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025

Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Коржова И.Н. Метарефлексия в неопубликованных главах повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 217–229.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229>

Последняя часть «Повести о жизни» К.Г. Паустовского справедливо воспринимается как книга, в наибольшей степени искаженная цензурными запретами и ограничениями. Во многом такая оценка сформировалась благодаря работам В.К. Паустовского, сына писателя [10]. Вопрос об изменении авторской воли в процессе работы над произведением возникает уже применительно к выбору заглавия. В переписке и при публикации отдельных глав К.Г. Паустовский именовал книгу «На медленном огне»; в машинописях из фонда Паустовского в РГАЛИ название фигурирует с подзаголовком — «На медленном огне. (Книга скитаний)»¹. Наконец, в недавно полученной Музеем К.Г. Паустовского машинописи первой главы последней, шестой повести² фиксируется еще одно название — «Жизнь вполголоса» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1)³.

Воспоминания и выписки В. Молчанова, хранящиеся в музее писателя (МЛМЦ КГП. КП-1924-2; МЛМЦ КГП. КУ-487) и частично напечатанные в журнале «Мир Паустовского» [15], приоткрывают историю несостоявшейся публикации расширенного варианта «Книги скитаний» в издательстве «Советская Россия» в 1964 г. На данный момент это единственное свидетельство того, что К.Г. Паустовский хотел видеть напечатанным иной, более пространный вариант последней части автобиографического цикла. Сличение выписок Молчанова с находящимися в архиве Паустовского в РГАЛИ машинописями позволяет определить вариант, близкий или тождественный тому, который читал В. Молчанов. Это документ: Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Однако его изучение затрудняют многочисленные изъяты листов именно с теми главами, которые отсутствуют в опубликованном тексте повести и, вероятно, были сочтены самыми острыми, не «проходными» для печати. Об изъятах свидетельствует несоответствие авторской и архивной пагинации.

В РГАЛИ хранится и предшествующая названной черновая машинопись (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132), составленная из отдельно напечатанных блоков по несколько глав. Именно она содержит обрамляющие части, не вошедшие в опубликованный текст. На этом материале выполнено настоящее исследование, в приложении приведен фрагмент первой главы «Приближение зари». Целью статьи является осмысление творческой программы писателя, заявленной в обрамляющих главах, соотнесение поставленных им перед собой задач с содержанием произведения и с эстетической концепцией, сформированной в позднем творчестве в целом.

Очевидно, что глава «Приближение зари» выросла из другой — «Связь времен» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1). Последовательность восстанавливается, поскольку рукописная правка в «Связи времен» учтена в машинописи «Приближения зари», однако характер переработки и объем нового текста позволяют предполагать существование какого-то промежуточного звена между этими машинописями.

¹ Подробнее об этом И.Н. Коржова [7], М.В. Скороходов [11].

² Здесь и далее повестью без кавычек и со строчной буквы называется каждая их шести частей «Повести о жизни», в частности ее последняя часть — «Книга скитаний».

³ За возможность работы с фондами автор благодарит директора Музея К.Г. Паустовского в г. Москве А.И. Дормидонтову и главного хранителя музея И.С. Пахомову.

В главе «Связь времен» Паустовский вспоминает слова Гамлета: «Распалась связь времен» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1)⁴. Эта фраза вообще была своеобразным лейтмотивом размышлений писателя «о времени и о себе» в ходе работы над автобиографическим циклом. Фраза фиксируется в машинописях третьей части цикла «Начало неведомого века» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. I, 1; РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1); варьируется в первоначальных вариантах заглавия этой части — «Обвалы времени», «Распалась связь времен», «Срыв времен», «Слом времен» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 5). Сложно экстраполировать более позднее авторское объяснение на замысел третьей книги, но в машинописи шестой части у Паустовского фраза отражала не оценку исторического времени, а субъективное авторское восприятие хронологии, попытку отойти от унылого хроникерства: «Сейчас у меня не то чтобы ослабела связь времен, но мне просто не хочется перебирать в памяти жизнь со всеми ее большей частью неважными случайностями» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1). В дальнейшем название главы изменилось, но идея свободной композиции сохранила актуальность, и связанные с этой мыслью фрагменты «Связи времен» перешли в «Приближение зари».

Следует оговорить еще один аспект. В Музее К.Г. Паустовского хранится машинописное содержание повести, его пагинация (с листа 269) продолжает нумерацию последних листов машинописи 132, хранящейся в РГАЛИ, но первая глава названа в содержании иначе — «Пробуждение зари» (МЛМЦ КГП КП-3295-108. Л. 1). Мы будем использовать то название, которое значит непосредственно в исследуемом тексте.

Машинопись 132 заканчивается двумя вариантами заключительной главы, которая в машинописи носила название «Собеседник сердца». При публикации усеченная версия этой главы (без нескольких последних листов машинописи) получила название «Живите так, как начали». Исключенный при публикации фрагмент, дошедший до нас благодаря названному архивному документу, посвящен Б.Л. Пастернаку, жизнь и поэзия которого стали для Паустовского поводом развернуть рассуждение о задачах художника и его судьбе в России.

Как было отмечено, машинопись 132 содержит два варианта финала: по три листа с тождественной машинописной основой (очевидно, листы напечатаны под копирку) и последующей несовпадающей рукописной правкой. Последние три листа (второй вариант) перечеркнуты. Хотя причины этого зачеркивания неизвестны, мы будем опираться на первый вариант завершения главы.

Первая и часть последней главы повести относятся к «раме произведения» [8, с. 848] и по функциям соотносимы с предисловием и послесловием. «Приближение зари» не погружало сразу в мир произведения, как это происходит в главе «Последняя встреча», открывающей опубликованный текст, а служило своего рода метаповествованием⁵, в котором Паустовский давал оценку изображенной эпохе в целом, размышлял над композицией и смысловыми доминантами текста, формулировал аксиологические приоритеты, равно касающиеся изображенного мира и принципов его изображения.

⁴ Перевод А. Кронеберга, 1844 г.

⁵ Согласно изданию «Поэтика. Словарь актуальных терминов», «метаповествование — 1) в широком смысле — синоним понятия “метапроза”; обобщенное название эпических *произведений*, принадлежащих к разным жанрам и включающих метарефлексию; 2) в узком и более точном значении — изложение повествователем (рассказчиком) некоторого события или ряда событий, подвергающее рефлексии самое себя и подразумевающее нарушение границы между “внутренним миром произведения” (действительностью *героев*) и миром литературного творчества» [4, с. 119].

Наличие таких глав можно объяснить нараставшим у позднего Паустовского движением к метапрозе, которое убедительно показано в работе Н.П. Хрящевой и Ю.А. Сухо-руковой [13].

Обрамляющие главы имеют тесную семантическую связь с эпиграфом (сохранен при публикации). «Книге скитаний» предпосланы строки стихотворения М.И. Цветаевой «В раю»: «Воспоминанье⁶ слишком давит плечи, / Я о земном заплачу и в раю...» [16, с. 398]. Паустовский несколько меняет смысл этих строк: воспоминания у Цветаевой не столько горькие, сколько плотские, не дающие прорваться духу. У Паустовского на первый план выходит признание тяжести прошлого.

Эпиграф корреспондирует также и с заглавием. «Раю» противопоставлены «скитания», а еще более — муки; мотив мук ассоциативно присутствует в полном названии повести — «На медленном огне. (Книга скитаний)».

Образ тяжести, введенный в эпиграфе глаголом «давит», становится лейтмотивом первой главы: «Иной раз целые годы ложатся на сердце темной и медленной тяжестью»⁷ (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2); «Чем снять эту тяжесть?» (там же, л. 2); «Мы испытали за последние полвека не только воодушевление <...>, но и ту темную тяжесть, о которой я говорил выше» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3). К нему автор возвращается и в финале произведения: «В начале этой книги я говорил о тяжелых временах» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 208). Если в обрамляющих главах слово настойчиво повторяется, то в основном тексте повести оно в переносном употреблении отсутствует, что не отменяет впечатления тяжести описанных фактов. Вступительная глава вербализовала состояние, не раз испытанное героем повести.

Название первой главы «Приближение зари» — оценка времени создания шестой повести. В этом своеобразном предисловии Паустовский размышляет о тех ценностях, которые противостояли тяжести времени, если и не прямо боролись с нею, то не давали отчаянию проникнуть в сердце человека.

Сталинская эпоха характеризуется как пора страха. В метафорическом изображении этих времен важны мотивы темноты и безмолвия: «глухая пора ночей», «мрак ночи», «темные лестницы», «окаянная ночь».

Метафора победы светлого начала в человеке, заявленная в заголовке как обещание, в самом тексте преобразуется в уверенность: «Но человек всегда верит, что где-то за горизонтом занимается заря и звучит в ночном безмолвии голос лесных родников» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2). Думается, упомянутые родники здесь следует читать не как метафору, а как метонимию. Они — часть нетронутой и прекрасной природы, которая в мире писателя составляет одну из ценностей, являясь воплощением того этико-эстетического начала, которым должна быть проникнута жизнь вообще. Это то «правильное» сущее, которое не расходится с должным. Но нравственная опора на природу в обрамляющих главах почти не проговаривается, хотя важна для повести и раскрыта в главах «Приближение зари», «Лесовик», «Девонский известняк», «Обертка от голландского сыра».

Отметим в процитированном фрагменте слово «верить» («Но человек всегда верит, что...»). Хотя ничто не указывает на религиозное наполнение понятия «вера», оно обязательно фигурирует во всех утверждающих авторские ценности фразах. «Большинство людей не позволило себе терять веру в прекрасную и спасительную сущ-

⁶ В машинописи ошибочно «воспоминание» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

⁷ Примечательно, что здесь выбран именно эпитет «медленный», частично повторяющий заглавие и снова подчеркивающий длительность испытаний.

ность жизни, в разум, в то, что он победит. Так оно и случилось» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4). Разум и вера, как видим, у Паустовского не противопоставлены друг другу.

В следующем предложении слово «вера» уже поднимается до христианского по происхождению концепта, поскольку называется рядом с категориями «надежда» и «любовь», которые вместе являются тремя добродетелями⁸: «Все же ради чего люди в те годы держались за жизнь? Очевидно, ради бессмертной и благородной надежды, ради веры в будущее, ради поруганной, но разрывающей сердце любви друг к другу» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4). И далее Паустовский снова говорит о природе, о ее красоте: «И ради того, чтобы в редчайшие мгновения покоя увидеть, как солнечный луч упадет из облаков на тихий плес реки и вода в ней засеребрится до самого дна» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4).

О спасительной силе веры Паустовский будет говорить еще раз в главе «Стужа». «“Век шествует путем своим железным”. Но его путь, конечно, ведет к золотому веку, к миру, к разуму. К золотому веку! Надо верить в это. Иначе нельзя жить!» [16, с. 433] Вспомним высказывание К. Ковальджи о Паустовском: «Этим он помог многим — помог не считать веру в добро слабостью. Или анахронизмом...» [5, с. 67]

В первой главе раскрываются творческие установки писателя. Слово, бытовое и художественное, объявляется средством исцеления от горестных воспоминаний. Именно этой психологической потребностью объясняет автор само создание повести, но, вероятно, мысль о целительности слова распространялась на всех приобщенных к диалогу:

Чем снять эту тяжесть? <...> Должно быть тем, что рассказать о ней людям. <...> Общность человеческих свойств помогает людям понять друг друга, хотя бы их разделяли неизмеримые протяжения пространства и времени (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

Мысль о ценности общения, о способности через вдохновенное слово преодолевать время является одной из установок писателя и определяет как композицию, так и стиль его книги.

Композиционное отличие «Книги скитаний» от предыдущих частей «Повести о жизни» было отмечено критикой. А.М. Борщаговский писал:

Отброшена временная последовательность, биографический календарь, повествование как целое лишается плавности, мысль, спеша, но зорко и памятно, обращается к разновременным событиям, к людям, о которых надо непременно успеть рассказать, к тем мыслям о творчестве, о литературе, которые представляются ему главными и поэтому требуют многократного повторения и развития. И «Книга скитаний» ощутимо сближается с «Золотой розой» [2, с. 6].

Происходит это не только из-за усиливающейся пестроты авторских впечатлений (о чем говорит каноническое название — «Книга скитаний»), но и из-за новых задач — дать портрет времени, а не только своей судьбы. Повесть о жизни превращается в повесть о времени.

О «Повести о жизни» в целом говорят как о «множестве обособленных друг от друга новелл, связанных между собой не столько сюжетно, сколько ассоциативно» [6, с. 284], но сам Паустовский декларировал освобождение от хронологии именно в шестой части. Часть вступительной главы посвящена рефлексии над новыми композиционными принципами повести:

⁸ О христианских истоках формулы «вера, надежда, любовь» см. [1, 12].

Эту пеструю автобиографическую книгу «На медленном огне» я хочу написать свободно, не очень считаясь с равномерным течением времени, с его неразборчивостью и не пытаюсь соблюдать строгую хронологию» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

Знаменательна мысль о свободе человека от времени и о «неразборчивости» последнего. Эта фраза обращает нас к ключевым идеям модернизма о необходимости преобразования, высветления образа действительности художником-творцом. В этом смысле наша позиция близка выводам Е.В. Летохо, сделанным на основе наблюдений над зрелыми рассказами писателя. Исследователь пишет о «создании особого типа героя — ученика природы, призванного творчески осмыслить и преобразовать действительность (“продолжать творение мира”))» [9, с. 5].

Первые примеры, которые приводит Паустовский для обоснования отказа от хронологии, говорят о нерадикальности сдвигов, о простом избегании унылого буквализма и скрупулезности архивариуса (речь идет о необязательности знания точной даты открытия Колумба или рождения Наполеона⁹). Но последний пример касается как раз художника-творца, полностью освободившегося от своего времени: «мы не знаем точного года рождения Гомера, но от этого ничто не изменилось в его великой поэзии» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2). Конечной целью свободной композиции Паустовский объявляет более точное изображение правды. В любом случае следует констатировать, что самая острая по политическому материалу книга оказывается и самой свободной в отношении художественного времени.

Примечательно, что во вступлении автор как будто говорит о времени в разном значении: времени историческом и времени календарном. Но, думается, оба понятия смыкаются в понятии «время бытийное». Паустовский выдвигает ценность освобождения не от хронологии, но от хроноса. Так соединяются темы творческой свободы и изживания тяжести времени. Освобождением от времени становится общение в сфере искусства, идея которого не просто высказывается, но и демонстрируется всем строем повести.

Повесть пронизывают цитаты из творчества современников Паустовского и авторов XIX в., эти цитаты позволяют увидеть красоту природы, помогают вести спор о судьбе поэтов в России и о концепции времени. Пласт скрытых цитат в повести остается практически неисследованным. Их выявление может показать, как в создании образа мира, в том числе его пластического облика, участвуют голоса писателей.

Эксплицируется опора на литературные образы в главе «Проводы учебного корабля»:

В глубине души я верил, что Евгений Онегин, Настасья Филипповна, Незнакомка и Анна Каренина жили здесь на самом деле и этим обогатили мое познание Петербурга. Нельзя себе представить Петербург без этого сонма сложных и привлекательных лиц.

Я был уверен, что в Петербурге жизнь реальная и жизнь, рожденная воображением, сливаются неразрывно [16, с. 444].

Включенные в авторский текст цитаты из Есенина подчеркивают эту идею:

Он научил меня видеть небогатую и просторную рязанскую землю — ее синевящие речные дали, обнаженные ракиты, в которых посвистывал октябрьский ветерок, пожухлую крапиву, перепадающие дожди, молочный дым над селами, мокрых телят с удивленными глазами, пустынные, неведомо куда ведущие дороги [16, с. 472].

⁹ В главе «Связь времен» вместо Наполеона был упомянут Дарвин (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1–2).

«Молочный дым» — образ из стихотворения «Голубень». В главе «Снежные шапки» рассказывается, как Булгаков берет из жизни реальные наблюдения, чтобы перенести их в свой роман «Белая гвардия». Но получается, что он не только воспроизводит фактические подробности, но и дает точное наименование детали пейзажа, поскольку заголовок «Снежные шапки» представляет собой перефразированное словосочетание «шапки снега» из романа «Белая гвардия»: «Полная тьма. Деревья во тьме, странные, как люстры в кисее, стоят в шапках снега, и сугробы кругом по самое горло. Жуть» [14, с. 96].

Другое, помимо времени, важное и тоже как бы двоящееся понятие во вступительной главе — это «слово». Двойственная сущность слова болезненно волнует автора:

Те же самые стальные буквы, «литеры», которые мы привыкли уважать за то, что они приобщили нас к знаниям, к великой и потому навсегда бессмертной поэзии — те же самые буквы служили неправде и смерти. В этом было что-то безжалостное и отталкивающее (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3).

Такое отношение не просто к искусству, но и к слову близко акмеистической эстетике. Вообще, показательно, что в описании сталинской эпохи повторяется не столько мотив страха, сколько мотив онемения, утраты слова («жили вполголоса» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3)), важный для акмеиста О.Э. Мандельштама в его стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...». О концептуальной важности идеи говорения / безмолвия свидетельствует неизвестный ранее вариант заглавия шестой книги — «Жизнь вполголоса» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1).

Творческое слово как ценность и как средство надвременного общения утверждается в финале повести Паустовского. Опубликованный вариант главы «Живите так, как начали» передает беседу героя с М. Горьким и повествует о своеобразном благословении, которое последний вложил в вынесенную в заголовок фразу. С точки зрения композиции всего цикла, такое завершение оказалось логичным, поскольку венчало повествование о долгом творческом становлении.

Причина изъятия части заключительной главы понятна более, чем исчезновение вступления: ведь она посвящена недавно умершему Б.Л. Пастернаку, подвергнутому острой травле в конце жизни и в 1963 г. еще остававшемуся человеком, которого не следовало упоминать в восторженном ключе.

Пастернак показан не просто одним из многих неоцененных современниками художников, не просто еще одним именем в скорбном мартирологе (хотя такой смысл тоже присутствует). Пастернак служит ориентиром для героя, только обретающего уверенность на пути писателя («В ту осень я много читал Пастернака» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 206)), и воплощением правильного понимания творчества для уже зрелого автора. Финальный фрагмент о Пастернаке остро современен, говорит о впечатлениях 1963 г. и в то же время разъясняет эстетический идеал автора, выделяет именно поэзию как квинтэссенцию искусства.

Творчество Пастернака не рвет с действительностью, не противостоит ей. Поэзия оказывается реальной составляющей бытия, поэтому Паустовский и ценит Пастернака за родственную себе способность «видеть поэзию всюду» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207).

Говоря о Пастернаке, Паустовский цитирует фрагмент стихотворения Заболоцкого: «Юноша с седой головой» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 206). Образ

Пастернака у Паустовского также связан с темой полета. Поэт наделен эпитетом «крылатый» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207) и назван падучей звездой, движущейся вверх, что актуализирует мотив чуда, невозможного, но посильного для искусства. Так образ Пастернака оказывается подспудно связан с мотивом преодоления тяжести и времени.

Название «Собеседник сердца» должно было подчеркнуть сложное построение последней главы. Думается, эта фраза относится не только к Пастернаку, но и к самой поэзии. Мотив объединяющей роли слова реализуется через интертекстуальный полилог, в котором участвуют Н.А. Заболоцкий, М. Горький, А.С. Пушкин, П.Н. Васильев. Потом к «беседе» присоединяется неназванный А.А. Григорьев, его фраза о «закатившемся солнце нашей поэзии», сказанная о Пушкине, распространяется на многих русских поэтов.

В финале снова возникает образ времени как силы, враждебной поэзии. Паустовский помещает в заключение своеобразный мартиролог: «мы не сберегли в свое время Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова¹⁰, не сберегли Блока, Маяковского, Есенина, Мандельштама, Цветаеву, Заболоцкого. Не стоит длить этот тяжкий список...» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207) Показателен здесь эпитет «тяжкий», он подхватывает мотив, заданный в начале повести. О нем Паустовский вспоминает в финале, закольцовывая композицию: «В начале этой книги я говорил о тяжелых временах» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 208).

Но последняя фраза — своеобразный символ веры автора, перечисление наиболее значимых для него ценностей: «Самым прекрасным было то, что люди сберегли и сохранили чистоту ума и сердца, веру в добро и ту великую поэзию, без которой не мог жить, не может жить и никогда не будет жить наш великий народ» (там же, л. 208).

Так, выстраивающаяся система образов говорит о внимании к земной реальности, любви к ней, о том, что человек черпает вдохновение у природы и без этой эстетической почвы творчество абсолютно немыслимо. Но делом человека становится поэтическое освобождение этих эстетических зерен. Кроме того, важна пока не исследованная литературоведами мысль Паустовского о преодолении времени и союзе людей, сплоченных общим мировоззрением.

Думается, что исключенные главы не только проливают свет на задачи книги, но и позволяет уточнить эстетику Паустовского. Здесь видится прямое освоение некоторых модернистских идей. В.Ю. Даренский, говоря о романтизме как основе метода Паустовского, делает примечательное дополнение: «Это своего рода акмеизм в прозе, поскольку здесь человек берется в высшей точке развития — в его “акме” как главном предмете художественного изображения» [3, с. 24]. А Н.П. Хрящева и Ю.А. Сухокурова, исследуя один из поздних рассказов, отмечают, что писатель «приближается к модернистской парадигме художественности» [13, с. 83]. Вероятно, идея модернистского понимания творчества может существенно дополнить суждение об эстетике Паустовского, привычно определяемой как романтическая.

¹⁰ Фамилия вычеркнута во втором, параллельном, варианте машинописи (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 211). Хотя включение Чехова в ряд поэтов интересно как знак своеобразной рецепции Чехова Паустовским.

Приложение

Приближение зари (фрагмент)¹¹

Иной раз целые годы ложатся на сердце темной и медленной тяжестью. Но человек всегда верит, что где-то за горизонтом занимается заря и звучит в ночном безмолвии голос лесных родников.

Чем снять эту тяжесть? Как избавиться от нее, чтобы жить дальше со спокойной душой?

Должно быть тем, что рассказать о ней людям. Близким или далеким — это, в конце концов, все равно. За долгую жизнь убеждаешься, что для неприкрашенного рассказа о жизни, для искренних слов почти нет равнодушных людей. В этом случае многие тебя поймут.

Общность человеческих свойств помогает людям понять друг друга, хотя бы их разделяли неизмеримые протяжения пространства и времени.

Поэтому я спокойно перехожу к описанию трудных времен, пережитых нами.

Эту шестую автобиографическую книгу «На медленном огне» я хочу написать свободно, не очень считаясь с равномерным течением времени и с его неразборчивостью и не пытаюсь соблюдать строгую хронологию.

Еще в гимназии я не любил хронологию и нахватал из-за нее порядочно двоек. Я считал тогда, что гораздо лучше разбить историю человечества на короткие отрезки времени, на своего рода отдельные главы по 30 или 50 лет каждая. Вызубривать же годы и даже дни всяких событий мне казалось просто нелепостью.

Что из того, что Колумб открыл Америку в 1492 году, а не в 1491-ом? Гораздо проще было бы сказать, что он открыл ее в самом конце пятнадцатого века.

Что из того, что Наполеон Бонапарт родился в 1769 году, а не в 1770-ом? Мы не знаем точного года рождения Гомера, но от этого ничто не изменилось в его величавой поэзии.

Со временем моя наивная неприязнь к хронологии прошла. Но не совсем. Меня, например, всегда тяготит необходимость хронологического порядка в автобиографических вещах.

Правда, события в подлинной жизни происходят последовательно. Но у искусства и воспоминания есть собственное течение времени, своя разумная и свободная хронология.

Теперь, когда я как бы снял с себя возможные обвинения в непоследовательности, я могу писать и последовательно и непоследовательно. Но все же нужно писать так, как это будет лучше для правды.

Список литературы:

Исследования

- 1 *Балашова Е.Ю.* Лингвокультурная доминанта вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на текстовом и системно-языковом материале) // *Язык и мир изучаемого языка.* 2011. №2. С. 12–19.
- 2 *Борщаговский А.* Мужество и щедрость таланта // *Паустовский К.Г.* Книга скитаний. Повести. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. С. 3–18.

¹¹ *Паустовский К.Г.* [«Повесть о жизни». Книга шестая [«Книга скитаний»] = «На медленном огне». (Книга скитаний)». Вариант. РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2–4.

- 3 Даренский В.Ю. Художественная философия К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научн. ст. М.: МАКС пресс, 2023. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Скороходов. С. 15–34. https://www.doi.org/10.29003/m3507.paustovsky_v2/15-34
- 4 Зусева В.Б. Метаповествование // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 119–120.
- 5 Ковальджи К. Очарование нормального волшебника: К. Паустовский // Октябрь. 2008. № 2. С. 66–71.
- 6 Кондаков И.В. Неоромантизм Константина Паустовского // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950 годов в 2 т. М.: Академия, 2014. Т. 1. / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М.А. Литовской. С. 276–291.
- 7 Коржова И.Н. Заглавия принятые и отвергнутые в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (к реконструкции творческой истории) // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 243–260. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260>
- 8 Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 848–853.
- 9 Летохо Е.В. Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.
- 10 Паустовский В. На медленном огне // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий: повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. С. 7–19.
- 11 Скороходов М.В. К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 261–289. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260/>
- 12 Харламова Л.А. Семиотика формулы вера, надежда, любовь (на материале индоевропейских языков) // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1–2. С. 62–71.
- 13 Хрящева Н.П., Сухорукова Ю.А. Позднее творчество К.Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы // Уральский филологический вестник. 2012. № 1. С. 71–83.

Источники

- 14 Булгаков М.А. Белая гвардия / подгот. Е.А. Яблоков. М.: Ладомир; Наука, 2015. 822 с.
- 15 Паустовский К.Г. На медленном огне: (отрывок из книги) // Мир Паустовского. 2005. № 23. С. 12.
- 16 Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 546 с.

© 2025. Inessa N. Korzhova

Moscow, Russia

**METAREFLECTION IN UNPUBLISHED CHAPTERS
OF K.G. PAUSTOVSKY'S NOVEL "THE BOOK OF WANDERINGS
(ON A SLOW FIRE)"**

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01479 "Textological Problems of Konstantin Paustovsky's Work: The Story of a Life" (Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01479/>).

Abstract: The paper examines unpublished fragments of K.G. Paustovsky's novella "The Book of Wanderings. (On a Slow fire)", which are the first chapter, "The Approach of Dawn," and the final half of the last, "The interlocutor of the heart". The research material was the typescript of the story, stored in the Russian State Library and the documents of the K.G. Paustovsky Museum in Moscow. The author of the paper relies on evidence that the removal of chapters was related to censorship and did not reflect the original intentions of the writer. The study describes the sources of the text, reflecting the different stages of work on the novel, and provides a textual description of the analyzed fragments. The chapters selected for analysis relate to the framing parts of the work and are characterized by high meta-reflexivity. The chapters provide general assessment of the depicted time and the creative tasks of the writer. The years 1923–1936, in which the action of the story develops, are estimated as a time that weighed on the soul, the period of "living with a subdued voice". Creative communication with predecessors and contemporaries becomes a way of relieving stress. This pragmatic explanation of the reasons for the creation of the book is juxtaposed with reflections on literature as the highest form of beauty in the world. Thus, time, heaviness, and the word become the key concepts of the framing chapters. The appendix to the paper contains a fragment of the chapter "The Approach of Dawn".

Keywords: Paustovsky, Textual Criticism, Creative History, the Frame of the Work, Meta-reflection, Artistic Autobiography, Romanticism, Modernism.

Information about the author: Inessa N. Korzhova — DSc in Philology, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

E-mail: clean24@yandex.ru

Received: January 01, 2025

Approved after reviewing: September 13, 2025

Date of publication: заполняется гл. ред. на финальном этапе

For citation: Korzhova, I.N. "Meta-reflection in Unpublished Chapters of K.G. Paustovsky's Novel 'The Book of Wanderings. (On a Slow Fire)'." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 217–229. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229>

References

- 1 Balashova, E.Iu. “Lingvokul'turnaia dominanta vera, nadezhda, liubov' v religioznom diskurse (na tekstovom i sistemno-iazykovom materiale)” [“Linguacultural Dominant Faith, Hope, Love in Religious Discourse (Based on Textual and System-linguistic Material)”]. *Iazyk i mir izuchaemogo iazyka*, no. 2, 2011, pp. 12–19. (In Russ.)
- 2 Borshchagovskii, A. “Muzhestvo i shchedrost' talanta” [“The Courage and Generosity of Talent”]. Paustovskii, K.G. *Kniga skitanii. Povesti* [The Book of Wanderings. Stories]. Kishinev, Kartia moldoveniaske Publ., 1978, pp. 3–18. (In Russ.)
- 3 Darenskii, V.Iu. “Khudozhestvennaia filosofia K.G. Paustovskogo” [“The Artistic Philosophy of K.G. Paustovsky”]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sbornik nauchnykh statei* [Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in the 21st Century: Collection of Scientific Papers], vol. 2, ex. ed. M.V. Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023, pp. 15–34. (In Russ.) https://www.doi.org/10.29003/m3507.paustovsky_v2/15-34
- 4 Zuseva, V.B. “Metapovestvovanie” [“Meta-narrative”]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts], acad. ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 119–120. (In Russ.)
- 5 Koval'dzhi, K. “Ocharovanie normal'nogo volshebnika: K. Paustovskii” [“The Charm of a Normal Wizard: K. Paustovsky”]. *Oktiabr'*, no. 2, 2008, pp. 66–71. (In Russ.)
- 6 Kondakov, I.V. “Neoromantizm Konstantina Paustovskogo” [“The Neo-Romanticism of Konstantin Paustovsky”]. *Russkaia literatura XX veka: 1930-e – seredina 1950-kh godov: v 2 t.* [Russian Literature of the Twentieth Century: 1930s – mid-1950s: in 2 vols.], vol. 1, ed. N.L. Leiderman, M.N. Lipovetskogo i M.A. Litovskoi. Moscow, Akademiia Publ., 2014, pp. 276–291. (In Russ.)
- 7 Korzhova, I.N. “Zaglaviiia priniatie i otvergnutie v “Povesti o zhizni” K.G. Paustovskogo (k rekonstruktsii tvorcheskoi istorii)” [“Accepted and Rejected Titles in “The Story of a Life by K.G. Paustovsky” (To the Reconstruction of Creative History)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 243–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260>
- 8 Lamzina, A.V. “Rama proizvedeniia” [“Frame of the Work”]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts], ed. and comp. A.N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, col. 848–853. (In Russ.)
- 9 Letokho, E.V. *Khudozhestvennyi mir maloi prozy K.G. Paustovskogo 1940–1960-kh godov* [The Artistic World of K. G. Paustovsky's Small Prose of the 1940s and 1960s: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2010. 19 p. (In Russ.)
- 10 Paustovskii, V. “Na medlennom ognе” [“On a Slow Fire”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidani: povesti. Dnevnik, pis'ma* [The Time of Great Expectations: Stories. Diaries, Letters]. Nizhnii Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 7–19. (In Russ.)
- 11 Skorokhodov, M.V. “K voprosu o pechatnykh istochnikakh 6-i chasti “Povesti o zhizni” K.G. Paustovskogo “Na medlennom ognе. (Kniga skitanii)” [“On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of K.G. Paustovsky's “The Story of a Life” “On a Slow Fire. (Book of Wanderings)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 261–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-26011>

- 12 Kharlamova, L.A. "Semiotika formuly vera, nadezhda, liubov' (na materiale indoevropskikh iazykov)" ["Semiotics of the Formula Faith, Hope, Love (Based on the Material of Indo-European Languages)"]. *Iazyk i kul'tura* (Novosibirsk), no. 1–2, 2012, pp. 62–71. (In Russ.)
- 13 Khriashcheva, N.P., Sukhorukova, Iu.A. "Pozdnee tvorчество K.G. Paustovskogo: dvizhenie k poetike metaprozy" ["The Later Works of K.G. Paustovsky: a Movement Towards the Poetics of Metaprose"]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, no. 1, 2012, pp. 71–83. (In Russ.)